

Ольга Радецкая

Пересоздание поэмы

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_16

Olga Radetzka
The Re-Making of the Poem

Ольга Радецкая
Переводчик, редактор

Olga Radetzka
Translator, editor

Эта статья — попытка проследить, как именно *работает* перевод такого сложного поэтического текста, как поэма Марии Степановой «Священная зима 20/21», проследить, из чего исходит процесс перевода, как перевод перестраивает произведение, создает его *кавер-версию*, так сказать, на другом языке¹. Попытка эта осуществлялась по-английски, на языке, отличном от языка моего «ремейка», что усложняет дело, ибо требует перевода и перефразировки уже переведенного. А последовавший за этим перевод моих замечаний с английского на русский, язык оригинала поэмы Степановой, добавляет еще один виток к этому процессу. Остается надеяться, что каждый поворот откроет новую перспективу в разговоре о переводе.

А зима такая стоит по дворам:
Как дуб
Как сруб
Как храм

«Священная зима» начинается с очень сильного жеста: небрежно звучащая, как бы вальсовая, танцующая первая строка, за которой следуют три жестких удара, каждый из двух односложных слов. Этот жест передает опыт в виде некоей формы (физической формы и формы времени) и одновременно *создает* саму форму и пространство всего текста. «Священная зима» *стоит*: как дерево — «как дуб»; как деревянное строение — «как сруб»; как церковь — «как храм», с разными, соединенными между собой трансептами, по которым мы бродим в процессе чтения. Первые стихотворные строчки намечают конструкцию — и в то же время они начинают многослойный диалог с другими поэтами, который проходит через всю поэму. Так, резкое звучание строк 2–4 напомнило мне о поэзии Марины Цветаевой. Русскоязычный читатель, я уверена, так или иначе услышит этот отзвук.

1 Здесь и далее цитирую мой перевод книги Марии Степановой «Священная зима 20/21» на немецкий язык: *Stepanova M. Winterpoem 20/21 / Aus dem Russischen von Olga Radetzka*. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2023. Я также цитирую перевод на английский язык, сделанный Сашей Дагдейл: *Stepanova M. Holy Winter 20/21 / Trans. by Sasha Dugdale*. New York: New Directions, 2024. Цитируется также вольный перевод Евгения Осташевского переложений текстов Овидия из цикла Степановой «Обидии», вошедших в книгу «Священная зима 20/21», и опубликованный вместе с оригиналом в издании: *Stepanova M., Ostashevsky E. OVID VOID*. New York: World Poetry, 2025.

Но что же мне как переводчику делать с этим? Как вообще передать такого рода аллюзии и ассоциации для немецкоязычного читателя, который, в частности, может быть не знаком с поэзией Цветаевой?

Прежде, чем перейти к деталям, несколько слов о моем общем подходе. Когда я перевожу литературу — это касается не только поэзии — я стараюсь создать текст, который жил бы своей самостоятельной жизнью. Ключевая роль в этом принадлежит ритму. Особенно в поэзии — я вхожу в перевод через дыхание и пульс текста. Я повторяю за ним, повторяю снова и снова, слеую за его движением, пока оно не приводит в движение и меня (точнее, тело моего языка, *meinen Sprachkörper*). В некотором смысле, цитируя Степанову, «исходный текст оказывается не моделью, предназначенной для точного копирования, но началом, отправной точкой разноязычного движения»². Мне кажется, именно движение создает пространство, в котором резонируют разные голоса. «Читатель стихов может войти туда и сделать это тело своим — оказаться с той стороны, на той стороне»³.

* * *

Переводить — не значит комментировать текст со стороны. Дело переводчика войти в него, разобрать оригинал изнутри и построить из частей новую версию. Первый шаг — деконструкция. Это большой труд — особенно в случае произведения, так густо сотканного из цитат, аллюзий, игровых отсылок и отзвуков, как «Священная зима» — и большое удовольствие. Чтобы дать представление о том, что происходит на письменном столе переводчика на этой стадии работы, в качестве примера (см. Приложение 1) приведу первую страницу «Священной зимы» с моими комментариями, отслеживающими претексты и собирающими материал, из которого можно построить немецкий текст и с которым можно играть. Ниже приводится сам мой перевод.

При переводе Степановой этот процесс деконструкции предполагает в первую очередь предельно внимательное чтение, чтобы не пропустить старых знакомых, а также не просмотреть ничего из того, что происходит на поверхности текста — звуки, которые то разрывают течение текста, то, напротив, создают островки «классической» гармонии на фоне сухого и фрагментированного звукового ландшафта. Я присматриваюсь к неожиданной смене регистра, интонации, тональности, тембра, которая может указывать на присутствие на этом участке другого, чужого текста. В «Священной зиме» перепады интонации бывают весьма очевидными: невозможно перепутать голоса Овидия, Мандевиля, Екатерины II, которые принимают участие в этом поэтическом разговоре. Помимо того, в тексте имеются сбои и сдвиги иного порядка, как, например, в следующем отрывке:

На кладбище не видать надгробий.
За сугробом, розовым от солнца,
Как ряднина, разбегается равнина.

2 Stepanova M. Übersetzung als Ausweg / Aus dem Russischen von Olga Radetzka // Das große Ü. Berlin 2022. S. 106–110, здесь S. 110. Этот текст Степановой, «Перевод как выход», еще не опубликован по-русски.

3 Stepanova M. Im Innern eines Vokals. (= Münchner Reden zur Poesie) / Aus dem Russischen von Olga Radetzka. München: Stiftung Lyrik Kabinett, 2024. S. 19.

Не сядем в санки, не поедем
В лес еловый ужинать с медведем.

Здесь слышен не другой голос, а изменение тона. После трех строчек, пронизанных резким звуком «р», вдруг устанавливается мягкий звук четырехстопного рифмованного ямба/хорея. В такие моменты я, даже не зная конкретный источник, начинаю искать скрытые пре-тексты и дополнительные смыслы⁴. И нахожу в данном случае стихотворение Пушкина «Зимнее утро» («Но знаешь: не велеть ли в санки / Кобылку бурую запречь?») — а в отрицании («не сядем... не поедем») еще и возможный след Бродского («Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...»). Следовательно, перевод должен воспроизвести если не конкретную отсылку, то хотя бы акустический сдвиг:

Auf dem Friedhof ist kein Grabstein zu sehen.
Ein Schneewall, rosa besonnt, dahinter
Wie Leintuch flaches Land weit und breit.

Wir fahren nicht, der Schlittensitz bleibt leer,
Im Tannenwald speist ohne uns der Bär.

На каком-то этапе работы такая деконструкция включает в себя и обсуждение текста с автором. В результате таких разговоров обычно проявляются дополнительные, незамеченные прежде следы, как, например, в строках: «Теперь-то ясно: я сослан не в чужие края, / А во время года, меня в него засунули / Как в рукав одной из здешних вонючих шуб...» (Приложение 2). В этом случае пре-текст Овидия был для меня ясен, как и отсылка к «Щелкунчику» Э.Т.А. Гофмана, обозначенная в имени героини («Снится Мари Штальбаум, / Что она в глубоком колодце...»)⁵. А вот отсылку к стихотворению Мандельштама («Запихай меня лучше, как шапку в рукав, / Жаркой шубы сибирских степей») я бы могла пропустить, если бы не подсказка Марии Степановой. Иногда обсуждение с автором выявляет и такие цитаты или аллюзии, которые я обнаружила в оригинале, хотя сам автор о них и не думал. Так, например, обстоит дело в одном из пересказов «Тристии» Овидия в «Священной зиме»:

То ли три года, то ли тридцать три,
То ли десять, как греки у троянских стен,
А все одно — время на месте стоит,
Как взаперти: новый день тот же день,
Ночи все на один покрой, и сны всё дрянь:
Стрелы дождем, снег веревками, рабья доля.
Вскинусь, ресницы смерзлись, на пальцах солоно,

4 В этом конкретном случае мне помог комментарий к поэме Любви Гольбурт и Ирины Паперно, на основе которого написаны их статьи в настоящем издании.

5 Героиня сказки Гофмана «Щелкунчик и мышиный король» («Nussknacker und Mausekönig»), Мари Штальбаум (Marie Stahlbaum), попадает в фантастический мир через рукав меховой шубы своего отца. Степанова использует этот эпизод также в 8 сонете цикла «Одежда без нас» в книге: *Степанова М. Старый мир. Починка жизни*. М.: Новое издательство, 2020. С. 57–66.

По одному этому и пойму, что плакал.
Не снятся мне ни Амур озябший с крылышками,
Ни начало навигации и с первым кораблем передача.

Образ смерзшихся ресниц вызывает в памяти не только Дантовский «Ад», который вновь возникает в конце поэмы в более остранинном варианте («В чешуе из ледяных слез, / С глазами, отрастившими острые иглы»), но и знаменитую песню Шуберта из цикла «Зимний путь» на стихи поэта Вильгельма Мюллера (Wilhelm Müller, «Winterreise»), «Застывшие слезы» («Gefrorne Tränen»):

Gefrorne Tropfen fallen
Von meinen Wangen ab:
Ob es mir denn entgangen,
Dass ich geweinet hab?⁶

Кстати сказать, вокальный цикл «Зимний путь» написан в тот же период, когда Пушкин писал «Евгения Онегина» — отсылка к которому возникает в «Священной зиме» немного выше, в виде «Татьяны Лариной», и даже образ медведя («не поедем / В лес еловый ужинать с медведем») вышел прямоком из «Сна Татьяны» в «Онегине». К тому же мотив холода, который пронизывает «Зимний путь» Шуберта, часто интерпретируется как намек на политический застой того времени. По всем этим причинам показалось логичным включить дополнительную отсылку в немецкую «Священную зиму» — и так я и сделала. В моем переводе строки о смерзшихся ресницах звучат так: «Ich schrecke hoch mit gefrorenen Wimpern, Salz auf den Fingern, / Und merke nur daran, dass ich geweinet hab». Здесь прямо цитируется Мюллер/Шуберт, а архаичная форма глагола плакать — *geweinet* (вместо *geweint*) — служит зримым на это указателем.

* * *

«Если верность оригиналу сводится не к сохранению того, что в нем содержится, а в следовании изначальному движению <...> — моя задача не собирать, а раздавать...», — пишет Степанова в своей «Мюнхенской речи о поэзии». Можно добавить: раздавать и получать дары. Кажется, именно таким способом, в частности, осуществляется «ретрофлексивное действие перевода», о котором писал исследователь Аккад Алхуссейн⁷: перевод воздействует на само литературное произведение; в результате перевода оригинал приобретает новые смыслы.

Швейцарский ученый Петер Утц, который много писал о немецкой литературе сквозь призму ее переводов на иностранные языки, говорит о том же: «Перевод создает смысл, а не идентичность»⁸ — то есть в переведенном тексте

6 В буквальном переводе: «Застывшие слезы падают / с моих щек: / Ужели я сам не заметил, что плакал?»

7 Alhussein A. Vom Zieltext zum Ausgangstext. Das Problem der retroflexen Wirksamkeit der Translation [= TRANSÜD 109]. Berlin: Frank & Timme, 2020. S. 19.

8 Utz P. Anders gesagt — autrement dit — in other words. Übersetzt gelesen: Hoffmann, Fontane, Kafka, Musil. München: Carl Hanser Verlag, 2007. S. 18.

возникают новые смыслы, и таким образом оригинальное произведение продолжает раскрываться и расти⁹.

В случае «Священной зимы» видно, как иногда переводы при отсутствии полисемантических эквивалентов разворачивают смыслы, спрессованные в русском оригинале, как, например, в строках «Что тебе рассказать, чтоб не скучала» (у Степановой здесь Овидий обращается к своей жене). В моем немецком переводе это звучит так: «Was kann ich erzählen, um deine Sehnsucht zu lindern?» (переводя буквально на русский язык: Что тебе рассказать, чтобы облегчить твою тоску?). По-английски, у Саши Дагдейл: «What can I tell you, my wife, to lessen your pain?» (Что я могу сказать тебе, моя жена, чтобы уменьшить твою боль?). А у Евгения Осташевского (в его вольных переводах текстов Степановой, основанных на стихах Овидия): «What can I talk about so as not to bore you?» (О чем мне говорить, чтоб не наскучить тебе?)

В других случаях перевод не только «распаковывает» значения, но способствует их миграции и приумножению смыслов. Это происходит, например, когда в «Священной зиме» речь идет о небе над местом ссылки Овидия — «stellis numquam tangentibus aequor» (со звездами, которые никогда не касаются воды (Ovid, Tristia III, 10), как говорится в «Скорбных элегиях». Переводы Сергея Шервинского и Вильгельма Виллиге (Wilhelm Willige) близки к этому образу: «<...> живу под созвездьями, что не касались / Глади морей никогда»¹⁰; «<...> unter Sternen, die niemals berühren des Meeres / Spiegel»¹¹.

У Степановой же читаем: «Даже звезды здесь не как у людей». В моем переводе: «Nicht mal die Sterne am Himmel sind hier normal» (буквально: Тут даже звезды на небе ненормальные)¹². В переводе Саши Дагдейл: «Even the stars here are not mine» (Даже звезды здесь не мои)¹³. У Евгения Осташевского: «Even the stars look down on me» (Даже звезды смотрят на меня сверху вниз/свысока?)¹⁴ (Во всех случаях курсив мой. — О.Р.)

В тексте Степановой появляется, в основном благодаря рифме к слову «образцовой», некая «тетя Тома Кузнецова»:

Снятся Овидию в Томах
Римские белые гуси.

Снится тете Томе Кузнецовой
Наступленье жизни образцовой.

В моем переводе она превращается в Тому Каплан:

-
- 9 Такой эффект, кажется, приобретает все большее значение в наше время, когда некоторые тексты или книги оказываются впервые опубликованными не на языке оригинала, а в переводе, и одновременно все большее число людей читают, пишут и думают на более чем одном языке. Размышления об этом вошли в последнюю прозаическую книгу Степановой: *Степанова М.* Фокус. М.: Новое издательство, 2024. С. 91.
- 10 *Публий Овидий Назон.* Скорбные элегии. Письма с Понта / Пер. с лат. А.В. Парина; изд. подгот. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. Москва: Наука (Серия «Литературные памятники»), 1978.
- 11 *Publius Ovidius Naso.* Briefe aus der Verbannung. Zürich, Stuttgart: Artemis Verlag, 1963.
- 12 *Stepanova M.* Winterpoem 20/21. S. 21, fn. 1.
- 13 *Stepanova M.* Holy Winter 20/21. P. 12, fn. 1.
- 14 *Stepanova M., Ostashevsky E.* OVID VOID. II, fn. 1.

Im Traum sieht Ovid in Tomis
Die weißen Gänse von Rom.

Im Traum sieht Tante Toma (Kaplan):
Ein tipptoppes Leben bricht an.

— и приносит с собой свой собственный пучок смыслов (среди них и ассоциация с Фанни Каплан, и предполагаемая то ли еврейская, то ли турецкая родня).

* * *

Говоря о *вольности* в переводе, я хочу вернуться к вопросу о том, что делать переводчику с аллюзиями, которые либо не звучат на языке перевода, либо вызывают другой резонанс.

На первый взгляд, следующий пассаж к этой категории не относится:

В стороне чужой и дальней
Гроб качается хрустальный,
Снег валит, горит звезда,
Ходит гроб туда-сюда
Над землей пустого места,
Спит во льду твоя невеста.

В самом деле, «гроб хрустальный» неизменно вызывает в памяти сказку о Белоснежке — на немецком так же, как и на русском и на других языках. Однако «Священная зима» отсылает не только к популярному сюжету о Белоснежке. Если посмотреть на форму — опять четырехстопный ритм: в этом случае хореический, с парной рифмой — мы снова услышим Пушкина. Эта строфа содержит буквальные цитаты из «Сказки о мертвой царевне», которые в данном контексте создают комический, почти пародийный эффект¹⁵. В переводе, следовательно, сама по себе отсылка к народной сказке вполне сработала бы: она бы отправила читателя в глубокий колодец немецкой литературной памяти, в которой сказки братьев Гримм занимают важное место. Однако, чтобы сбалансировать эту *чересчур* немецкую глубину, требовалось внести элемент остранения и легкости — и сделать это удалось, близко следуя за танцующим ритмом и звуком оригинала. Результат, как мне кажется, вызывает в памяти XIX век, но неправильное ударение на слове *Bóreas* придает всему слегка комический оттенок — можно вспомнить, например, стихи Гейне. Таким образом добавляется еще один голос к звуку и отзвукам «Священной зимы», к тому далекому отголоску когда-то прочитанного, но на другом языке», о котором пишет Саша Дагдейл в своем эссе о переводе Степановой¹⁶:

15 Пушкин А.С. Сказка о мертвой царевне // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 473: «В той норе, во тьме печальной, / Гроб качается хрустальный/ На цепях между столбов. / Не видать ничьих следов / Вкрут того пустого места; / В том гробу твоя невеста».

16 См. эссе С. Дагдейл «Домой» в этой же рубрике.

Im fernen Land des Boreas
Schaukelt sacht ein Sarg aus Glas,
Dichter Schnee fällt, Sterne funkeln,
Leise schwankt der Sarg im Dunkeln,
Aus der Ödnis dringt kein Laut,
Dort im Eis schläft deine Braut.

Часто, однако, за текстом не стоит известный в разных языках литературный мотив, который помог бы ощутить интертекстуальное пространство. В таких случаях я пользуюсь формой, ритмом, звуком, чтобы создать — следуя за движением оригинала — эффект воспоминания, не укорененного в конкретном источнике. (Пример тому — первые строчки «Священной зимы»: «Dieser Winter da draußen steht / Wie ein Baum / Wie ein Bau / Wie ein Dom».) Идея здесь в том, чтобы напомнить читателю о чем-то ином, о словах и стихах, которые он в самом деле никогда не читал, по той простой причине, что таких стихов не существует — но кажется, что они есть. Иными словами, я стараюсь создать что-то вроде фантомной текстуальной памяти.

Возникает вопрос: а не шарлатанство ли это? Или это физическое расширение пространства данной литературы, ее коллективного тела: перевод помогает ему, так сказать, отрастить новые конечности и органы, и таким путем — расширение пространства литературы как таковой? Оставляю этот вопрос открытым — хотя я думаю, что и то, и другое может быть верным одновременно.

*Авторизованный перевод с английского
Ирины Паперно*

Приложение 1

Мария Степанова

Священная зима 20/21

I

Я выехал в Россию верхом на коне.
Дело было зимою.
Шёл снег.
Приключения Барона Мюнхгаузена

А зима такая стоит по дворам:

Как дуб
Как сруб
Как храм

Anklang Cvetaeva, männliche Kadenzen, Einsilber

Летучие фракции снежного праха
Пикируют кавалеристами

На повинную голову
На самую ее маковку

Пора в зимнюю спячку:

Как труп разъятый в пустыне лежатый

Pushkin, Prorok: **Как труп в пустыне** я лежал
Ü Engelhard: Ich lag **im Wüstensand** wie tot
Und mir erscholl des Herrn Gebot

Ü Wolfgang Groeger: ...Und Gottes Stimme mir gebot
+ Zitat Девочки без одежды?
«Всегда осень, все снято, все разъято»

Как **остановите-вагоновожатый**

Gumilev, Zabludivshiisia tramvai
Остановите, вагоновожатый, остановите
сейчас вагон

Как положено

Лежать, где уложено

cf. МС, Тело возвращается:
Тело воскресенья будет уметь,
Как положено телу:
Возноситься на небеса и садиться одесную Отца,
Как положено сыну

**Жил был заяц со своей лисицей
У самого синего моря.**

Они жили в ветхой землянке,
Потом построили дома:

Пушкин, Сказка о рыбаке и рыбке:
Жил старик со своею старухой
У самого синего моря
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.

**У лисы стала избушка ледяная,
У зайца, говорят, слюдяная,**
Из чистых заячьих слезок,
Из грустной слюны капустной

Ü Ferdinand Löwe:
Wohnte einst ein Alter mit seiner Alten
Dicht am öden Strande des blauen Meeres
Wohneten da in einer zerfallenen Hütte
Dreißig Sommer bereits und noch drei Jahre.

Ü Friedrich Fiedler, Reclam Leipzig 1966
Lebte einst mit der Alten ein Alter
am Ufer des blauen Meeres;
eine Erdhütte war ihre Wohnung,
drin sie dreiunddreißig Jahre hausten.

Жили-жили, никого не ели,
На праздники пускали фейерверки.

+
сказка Лиса и заяц:
«Жили-были лиса да заяц. У лисы была
избёнка ледяная, у зайца — лубяная...»
Eishütte, Basthütte

Maria Stepanova

Winterpoem 20/21

Перевод на немецкий Ольги Радецкой

I

Nach Russland brach ich im Winter auf.
Ich reiste zu Pferd.
Es schneite.
Die Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen

Dieser Winter draußen — steht
Wie ein Baum
Wie ein Bau
Wie ein Dom

Flüchtige Schneestaubfraktionen
Stoßen im Sturzflug herab
Asche aufs Haupt, berittene Schützen
Zielen direkt auf den Scheitel

Zeit für den Winterschlaf:

Wie im Wüstensand ein zerlegter toter Mann
Wie ein Schaffner-halten-Sie-an
Wie es sein soll
Abgelegt liegen bleiben

Lebte einst ein Hase mit seiner Fuchsfrau
Am blauen Meeresstrand
In einem alten Erdbau
Bis sich was Besseres fand:

Für Frau Fuchs ein Häuschen aus Eis,
Für Herrn Hase eines aus Gneis,
Aus reinen Hasentränchen,
Aus traurig-krautiger Spucke

So lebten sie friedlich, sie fraßen niemand
Und feiertags brannten sie Feuerwerk ab.

Приложение 2

Теперь-то ясно: я сослан не в чужие края,
А во время года, меня в него засунули

Как в рукав одной из здешних вонючих шуб <...> «здешние» шубы -> Ovid, Tristia III, 10 u.a.)
+ ETA Hoffmann, Nußknacker und Mausekönig
(Щелкунчик и Мышиный король)

+ МС, Одежда без нас
+ Мандельштам, «За гремучую доблесть
грядущих веков» (1931/35)
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
**Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...**

Heute weiß ich: Verbannt bin ich nicht in ein Land,
Sondern in eine Saison, kopfüber hineingestopft
Wie in den stinkigen Ärmel eines der hiesigen Pelze